

«Исланова стравка»

В.В. Пенской

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)*

Т.М. Пенская

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)*

После смерти в 1505 г. московского великого князя Ивана III союзнические отношения между Москвой и Крымом начали постепенно охладевать, пока, наконец, в 1521 г. дело не дошло до полномасштабного военного конфликта между двумя государствами. Крымский хан Мухаммед-Гирей I совершил успешный поход на Русское государство и опустошил окрестности русской столицы, разбив перед этим полки Василия III под Коломной.

Успех Мухаммед-Гирея запомнился и в Крыму, и в Москве, и если правящие круги Крымского ханства мечтали повторить этот успех, то русские, напротив, стремились не допустить этого. История набега «царевича», калги Ислам-Гирея, попытавшегося в сентябре 1527 г. напасть на «крымскую украину» Русского государства – малоизвестная страница растянувшегося на много десятилетий русско-крымского противостояния. Эта история интересна не только тем, что показывает особенности начавшегося при Василии III (1505–1533 гг.) нового этапа в формировании русской «береговой» службы и создании Русским государством системы противодействия татарским набегам на свои пограничные уезды. Она любопытна еще и тем, что, находясь в контексте сложной дипломатической игры и политических интриг в треугольнике Москва – Крым – Литва, показывает всю сложность и запутанность сложившейся в Восточной Европе после распада Большой Орды, претендовавшей на большую и лучшую часть золотоордынского наследия, политической ситуации.

Ключевые слова: Россия, Крым, русско-крымские отношения, Василий III, крымские Гирей, русско-крымские войны.

В одном малоизвестном русском летописце, записи в котором заканчиваются 7038 годом, есть интересная запись: «В лето 7036 сентября 15 приходил изгоном Ислан с тотары, крымский царь, и была стравка на Оке и на усть Осетра»... И дальше неизвестный книжник добавил, что «князь Федор Мстиславской и иные воеводы отбили тотар от берега» [15, с. 166]. Но эта летописная весточка очень уж краткая (хотя и весьма красноречивая). А что по этому поводу говорят другие летописи и, что самое главное, разрядные книги? И так ли уж неожиданно, «изгоном», напал «Ислам царь» на государеву украину? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо отмотать ленту времени на несколько лет назад и посмотреть, что творилось в Восточной Европе, в треугольнике Москва-Крым-Литва, в 20-х гг. XVI столетия.

Смерть Мухаммед-Гирея I в Астрахани в 1523 г. (как писал русский летописец, «безбожный Магмед Кирей царь подвижесе ис Перекопи со своею братьею и с своими детми, пришед в Азтаракань, одолев възгордесе зело; и съгласившесе в Азтаракани сущии нагаи и убиша царя и сына его проклятаго, и прочих крымских врагов избиша...» [23, с. 270]) привела к обострению борьбы за власть в Крыму и расколу в семействе Гиреев [См., например: 34, с. 97–118]. «Замятня» в Крыму растянулась почти на полтора десятка лет (считая от гибели Мухаммед-Гирея до убийства в 1537 г. Ислам-Гирея, его сына и, пожалуй, главного возмутителя спокойствия в ханстве). Однако усобицы – усобицами, однако от практики набегов на соседей с целью поживиться «ясырем»-рабами, скотом и прочими «животами» в Крыму никто, ни знать, «правое руки и левое Великого улуса темъники и тисечники, и сотники, и вланы, князья» [36, р. 191], ни рядовые татары, отказываться не собирався, тем более что и обстановка в определенной степени благоприятствовала их организации. Слабость ханской власти, неспособной хотя бы отчасти сдержать хищнические устремления своих подданных, открывала широкую дорогу для предприимчивых и готовых рискнуть ради богатой добычи

«вланов, князей и мурз» и их людей [17, с. 243; 36, р. 447, 467, 593, 596]. Более того, и борющиеся за власть Саадет-Гирей и его племянник Ислам-Гирей сами были отнюдь не против направить энергию аристократии наружу, тем самым снимая напряжение внутри самого Крыма и облегчая себе жизнь. Конечно, крупномасштабных, подобных экспедиции 1521 г., походов на литовскую и московскую «украины» слабая ханская власть организовать не могла. Однако небольшие отряды татар регулярно совершали внезапные нападения на «неверных», пробуя на прочность их оборону. Но иногда, когда враждующим группировкам и кланам удавалось на время достичь некоего подобия согласия, вероятность большого похода за добычей резко возрастала, и облака, беспрестанно клубившиеся на юге, вдруг разражались грозой – очередным «крымским смерчем».

Примерно так обстояли дела в 1526 г., когда Ислам-Гирей «взложил на себе на шью веврьку» и явился под Перекопом, «поведаючи» дяде своему, действующему крымскому «царю» Саадет-Гирею, «ижь хочу я, брать ваш, абы ведали прыятели и непрыятели по правде, и тыи непрыятели, которьи далеко мешькають, ижь с тобою стою противьку имь съ саблею и зь древцомь, а никому не служу, только тебе» [36, р. 588–589]. Обрадованный таким решением племянника дядюшка, как он писал позднее Сигизмунду I, немедля «отпустил» тому «тот гневь мой» и по-царски пожаловал блудного родственника. Брат Саадет-Гирея, Сахиб-Гирей, лишился звания ханского преемника-калги на столе Великого улуса, будучи пожалован взамен городками на Днепре (прежде всего Ислам-Керменом на Таванском перевозе, «наряженном» еще Менгли-Гиреем, который в городе том «людей азапов положил» и на тех гарнизонных людей установил жалование, «алафу положил», требуя с Сигизмунда той алафы ежегодной 4,5 тыс. золотых [36, р. 185, 186]). Калгой же стал теперь прощенный племянник (кстати, Сахиб-Гирей, похоже, не жаловал Ислам-Гирея, и решение Саадет-Гирея только усилило «приянь» бывшего калги и будущего крымского «царя» к калге новоявленному). Титул калги был дополнен также и передачей Ислам-Гирею ключа от Крыма – Перекопа (что должно было свидетельствовать то ли о полном доверии, установившемся между дядей и племянником, то ли о том, что Саадет-Гирей решил последовать совету держать друзей близко, а врагов еще ближе – «в Перекопе водле себе есьми его посадил») [36, р. 583].

Но для нашей истории интереснее и важнее не столько сам факт примирения (пусть и временного) враждующих сторон в Крыму и изменения политического ландшафта Великого улуса, сколько последствия этой перемены. В своем послании Сигизмунду I Саадет-Гирей, известив польского короля и великого князя литовского о случившемся счастье, намекнул «брату своему», что теперь, когда семейство Гиреев воссоединилось, «которьи князи, вланы и мурзы в паньстве нашомь в росторжьце были», те теперь «вси в одиностве с нами стали». И дальше хан как бы невзначай обмолвился, что теперь «для тых прычын тое надеи, ижь кождьому непрыятелю нашому непрыязни окажемь и доведемь». А причин, по которым Саадет-Гирей мог показать «непрязнь» свою Сигизмунду, было более чем достаточно. Хан напомнил Сигизмунду, что тот, как только Саадет-Гирей воссел на отцовском столе, его «какь бы за ништо видячи», «николи не хотел если прыслати до мене, брата своего, здоровья моего навежаючи». Мало того, Сигизмунд еще и добрых «впоминок» к крымскому столу не присылал и «для того вельми одолжал». А «впоминки» те, кстати, были немалые – со времен Менгли-Гирея Польша и Великое княжество Литовское обязывались «в кождьи годь» слать в Крым 15 тыс. золотых деньгами и товарами. В условиях же, когда ногайский погром, учиненный в 1523 г., и гражданская война нанесли серьезнейший урон экономике ханства, эта сумма, да еще с учетом накопившегося долга, была Саадет-Гирею очень кстати. А тут еще хану вспомнились попытки Сигизмунда подружиться со злейшими врагами дома Гиреев ногайскими мурзами и слухи о желании короля отпустить на волю злейшего же врага Гиреев «заволского царя Шыг Ахмата», и успешное нападение черкасского старосты О. Дашкевича со своими людьми на Ислам-Кермен в 1523 г. Свои счета к Сигизмунду были и у Ислам-Гирея [33, с. 60–61; 36, р. 368, 384, 386, 428, 429, 433, 434, 480–481, 483, 583–584]¹.

Масла в огонь подлило послание от великого князя литовского! В нем он прямо и откровенно заявил Саадет-Гирею, «што ся дотычеть тых упоминьковь, которьи по **доброи воли** (выделено нами – *В.П., Т.П.*) отцу и брату твоему были оть нас даиваны», так то потому лишь, что эти «впоминки» не ради какой-либо повинности, возложенной на себя великим княжеством, посыла-

¹ О Шиг-Ахмате (Шейх-Ахмете), последнем хане Большой Орды, сыне хана Ахмата (Ахмеда), и его отношениях с крымскими Гиреями и Ягеллонами см., например: [6, с. 99–120].

лись в Крым. Нет, они отправлялись исключительно «для доброго братства и верной прязни», поскольку и Менгли-Гирей, и Мухаммед-Гирей «завъжды на наше писанье сами головами своими со всеми царевичи и з людьми своими на непрытеля нашего, где была потреба, хожывали». Поминки надо заслужить, между тем как Саадет-Гирей, писал Сигизмунд, «какъ сель на царьстве своемъ, никоторое еси прязни братьское намъ не въчынилъ, але завъжды люди твои паньства наши воевали и казили» [36, р. 595]. И как в таком случае отправлять поминки, спрашивал «царя» Сигизмунд?

Одним словом, причин для того, чтобы отправить татарскую рать в очередной набег на земли великого княжества, было более чем достаточно. Пушки – последний довод королей. И если слова не действовали и поминки, на которые так рассчитывал и сам Саадет-Гирей [36, р. 429, 433], и его окружение, не говоря уже о Ислам-Гирее, Сахиб-Гирее и крымских «вланах, князьях и мурзах», все не приходило, то, может, свист стрел и запах дыма от подоженных сел и деревень сделают Сигизмунда и панов-раду сговорчивее?

Замыслы временно примирившейся крымской элиты не остались втайне от Сигизмунда. Во всяком случае, уже весной 1526 г. король и великий князь сообщал литовским панам-рады о том, что до «его милости» «певъный слухи доходятъ» о том, что Саадет-Гирей «умыслил паньство его милости казити». По этой причине король «росказал всемъ подданымъ своим в Коруни Полскои коньне а зброине поготову быти». Не ограничившись этим, Сигизмунд «к тому наперед» отправил «на Подоле неколко тысяч людей на пенязи приемъшы». Аналогичные «листы» о необходимости быть «на службу его милости поготове коньне а зброине» были разосланы по волостям и поветам Великого княжества Литовского [1, с. 173; 36, р. 462].

Эти приготовления оказались не напрасны, ибо зимой 1526 г. крымская рать (по мнению украинского исследователя Б.В. Черкаса, насчитывавшая около 7–10 тыс. всадников) вторглась на территорию Великого княжества Литовского. Спустя несколько недель, изрядно ополонившись, она повернула назад, но на р. Ольшанице под Каневом татары были врасплох застигнуты небольшим литовским войском (около 3,5 тыс. чел.) во главе с князем К. Острожским и наголову разгромлены [16, р. 67; 32, с. 53–59]. Напоследок Сигизмунд нанес Саадет-Гирею еще один весьма ощутимый удар – «тое ж весны (1527 г. – В.П., Т.П.) по велице дни царя Заволского (Шейх-Ахмеда – В.П., Т.П.) пущено из Литвы на царство Заволское к сыну его...» [7, стб. 405]. По резонному мнению Б.В. Черкаса, тем самым Сигизмунд и паны-рада, отпустив Шейх-Ахмеда после долгого то ли плена, то ли пребывания в гостях, преследовали цель обезопасить свои южные границы от возможных набегов крымцев угрозой объединенного похода ногаев и астраханцев на Перекоп [32, с. 57; 36, р. 447]. А этот поход, между тем, по своим разрушительным последствиям вполне мог превзойти памятный для Великого улуса погром 1523 г. И еще одна деталь, на которую стоит обратить внимание. В грамотах, что были отосланы от имени Сигизмунда Саадет-Гирею и Ислам-Гирею в феврале 1527 г., король и великий князь недвусмысленно намекнул, что если хан и калга желают восстановить прежнее «братство и прязнь» между Крымом и Великим княжеством Литовским и получать желаемые ими столь страстно «впоминки» [См., например: 36, р. 447], то пускай дядя и племянник прежде всего отпустят захваченных пленных и «противъ непрытеля нашего, где потреба вкажетъ, саблю свою окажете» [36, р. 595, 596]. Видимо, намек был понят, и раз уж не удалось поживиться за счет Сигизмунда, то можно было попытать счастья на московской стороне. Саадет-Гирей вспомнил о том, что еще в 1526 г., переписываясь с Сигизмундом на предмет восстановления «братства и прязни» и присылки «впоминков», он обещал своему «брату», что на «моего и твоего непрытеля московского люди и паньство его з великимъ своимъ войскомъ хочу самъ поити воевати». На худой же случай, если не выйдет самому «всестъ на коня», хан пообещал отправить воевать «паньство московского» «Исламъ солтана и иньших братеи своих меньших з войскомъ своимъ великимъ» [36, р. 583]. Сторонники войны с Сигизмундом, московские «доброхоты», после Ольшаницкой конфузии приумолкли, а вот голоса тех, кто выступал за организацию похода на московскую «украину», напротив, зазвучали в полный голос. И решение было принято. Когда – можно только догадываться. Но немногие уцелевшие после Ольшаницкого погрома татары вернулись в Крым к середине февраля 1527 г., к концу того же месяца или в начале марта Саадет-Гирей и Ислам-Гирей получили ту самую грамоту Сигизмунда, о которой говорилось выше. Следовательно, согласие относительно того, куда направить своих аргамаков на этот раз, было достигнуто крымской элитой в марте-апреле 1527 г.

Увы, подготовка к походу затянулась. По опыту предыдущих (и последующих) набегов, выступив в мае из Крыма, татарское войско достигало русских рубежей самое позднее во 2-й половине июля – начале августа, иногда несколько раньше. В нашем же случае Ислам-Гирей явился в первых числах сентября – примерно на месяц, даже полтора, позднее. Напрашивается аналогия с мухаммед-гиреевым «смерчем» 1521 г. Видимо, стоит согласиться с мнением Б.В. Черкаса, по мнению которого не последнюю роль в этом сыграли опасения Саадет-Гирея и его окружения относительно нападения возглавляемых Шейх-Ахмедом ногаев и астраханцев на крымские кочевья [34, с. 106]. Однако опасения эти оказались напрасны. Путешествие «заволжского царя» затянулось. Отпущенный из Вильно на Пасху 1527 г., т.е. 24 апреля, он только в конце июля – начале августа, одаренный «деньгами, хлебом также как мехами и конями», покинул Киев и отправился полем (где был встречен немногими «пенезными людьми», посланными ему навстречу его сыном – а Сигизмунд, договариваясь с ногаями об отпуске Шейх-Ахмеда, желал, чтобы его встречали под Киевом 15–20 тыс. «людеи добрых, бранных, зброинных») в свой улус Астрахань [7, стб. 405; 31, с. 96; 35, с. 252; 36, р. 581]. Добравшись туда самое раннее в преддверии осени, а, скорее всего, позже, он, понятно, уже просто физически не успевал организовать что-либо серьезное против Крыма. Тем самым у Саадет-Гирея и Ислам-Гирея оказывались на некоторое время развязанными руки, и они поспешили использовать представившуюся возможность. И снова напрашивается предположение, что Ислам-Гирей, выступив из Крыма со своими людьми в конце весны, как и в 1521 г., несколько недель стоял за Перекопом (на Молочных водах?) в ожидании вестей относительно намерений Шейх-Ахмеда и ногаев с астраханцами – что и как, собираются ли они в поход? И лишь когда ему стало известно, что Ахматович подзадержался в пути и явно не успевает добраться до своего улуса до наступления осени, выступил на север и скорым маршем устремился к московским «украинам».

Крымского набега в Москве ждали. В декабре 1526 г. к Василию III прибыли гонцы от Саадет-Гирея с грамотами от хана, калги, царевичей и мурз. Из них великий князь узнал, что его «брат» примирился со своим племянником и сделал его калгой, а также и о том, что крымский «царь», согласно своему шертованию от февраля 1525 г. [14, с. 15], отправил свою рать на Сигизмунда [17, с. 249]. Ответное послание от Василия хану было отправлено с Никитою Мясным в конце марта 1527 г. Однако надежда на то, что отношения между Московской и Крымом вскоре после размена послами нормализуются, очень скоро рассеялись. К концу весны 1527 г. в Москве стало доподлинно известно от московских же доброхотов в Великом улусе, бежавших оттуда русских полоняников, купцов и разосланных на литовскую и крымскую Украины «вестовщиков», что бывший московский «доброхот» ширинский князь Бахтеяр-мурза с другими князьями и мурзами настаивает на примирении «царя» с Сигизмундом, а Ислам-Гирей вопреки своим заверениям готовится к нападению на Русь. Об этом же писал в Москву и Никита Мясной [17, с. 250; 29, с. 51].

Судя по всему, в Москве не особенно надеялись на «прямоту» Саадет-Гирея (еще летом 1524 г. ширинский князь Довлет-Бахты писал Василию III, что новый «царь» «прямой человек», «ложных речей не любит» [29, р. 56–57]), почему заблаговременно развернули полки по Оке и за нею, в «польских городех». В июле, согласно «Государеву разряду», два полка с 5-ю воеводами стояли на Коломне и Кашире, был усилен гарнизон Рязани (4 воеводы, причем 3-м из них предписывалось в случае неприятельского нападения «быти за городом»). 4 воеводы были в Туле и 4 же – в Одоеве [25, с. 70–71]². По аналогии с 1521 г. можно предположить, что под их началом находилось около 2,5–3,5 тыс. детей боярских (с послужильцами – примерно вдвое больше). Для того чтобы отразить набег небольшого татарского отряда, этих сил было достаточно, но когда стало ясно, что в набег отправился калга Ислам-Гирей, силы по берегу было решено усилить, и Василий

² «На Коломне были воеводы князь Василей Семенович Одоевской да боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенского. На Кошире были воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Федор Овчина князь Васильев сын Телепнев, да князь Петр Охлябинин. На Резани были воеводы наместник князь Олександр Андреевич Ростовской да Федор Щука Кутузов, да князь Осиф Тростенской, да Федор Денисьев. А каково будет дело, и князю Олександру быти в городе, а Щуке и князю Осифу, и Федору Денисьеву быти за городом. На Туле были воеводы князь Федор да князь Роман Ивановичи Одоевские да наместник князь Иван Тать Хрипунов, да с ними Илья Челищев. В Одоеве был воевода князь Иван Михайлович Воротынской, да со князем Иваном был из Мещеска князь Дмитрий князь Федоров сын Болшаго Палецкаго. Да в Одоеве же велел князь великий быти с Воротынским князю Олександру князь Васильеву сыну Кашину да князю Ивану Мезецкому».

III отправил в Коломну еще 7-х воевод (около 1,5 тыс. детей боярских, всего до 3-х тыс. «сабель») и туда же своего воеводу отправил брат Василия князь Юрий Дмитриевский [25, с. 71]³. В сумме теперь набиралось до 5–5,5 тыс. детей боярских, не считая их послужильцев – более чем достаточно для отражения набега калги (вряд ли Ислам-Гирей смог бы вывести на «государеву украину» людей больше, чем в зимний набег 1526/1527 г. смог повести за собой некий царевич Малай, разбитый Острожским на Ольшанице, да и в разрядных записях указывается, что Ислам пришел с «царевичи со многими людьми, а с ними десеть тысяч тотар» [26, с. 207]).

Кстати, в этой связи кратко об основных источниках, в которых сохранились сведения непосредственно об «ислановой стравке». Собственно о самом набеге и его отражении подробно рассказывают летописи – Воскресенская, 4-я Новгородская и Постниковский летописец, причем в 4-й Новгородской летописи помещена целая повесть о некоем татарском князе Алае, будто бы спалившем церковь св. Николая-чудотворца в великокняжеском селе и пойманном после этого злодеяния государевыми воеводами. Пискаревский же летописец дополняет рассказ Воскресенской и Новгородской летописей любопытными деталями и уточняет хронологию кампании [См.: 20, с. 543–544; 21, с. 16; 23, с. 2]⁴.

Показания этих летописей тем более ценны (с учетом, конечно, своеобразия метода передачи информации русскими летописцами), что они по времени их составления ненамного удалены от событий 1527 г., чего не скажешь о разрядных книгах. Как установил еще в конце XIX в. П.Н. Милюков, «Государев разряд» был составлен около сер. 50-х гг. XVI в. (1556 г.) и связано было это событие с упорядочиванием ведения разрядных записей (не в последнюю очередь для того, чтобы регулировать местнические споры с опорой на некий официальный «канонический» текст») [18, с. 12–14]. Частные же разрядные книги, хотя порой более подробные и словоохотливые по сравнению с «Государевым разрядом», однако носят ярко выраженный компилятивный характер (причем далеко не всегда качественный – как в нашем случае, в котором записи о приходе Ислам-Гирея разной степени подробности повторены трижды, в 7035, 7036 и 7037 гг. с оговоркой в последней, что «таков же приход Исламов пишет 7036-м году» [26, с. 198–199, 203–205, 208–209]). И дошли они до наших дней в списках и редакциях по большей части XVII или даже XVIII и XIX вв. [2, с. 86–87, 88, 93; 3, с. 25–26]. Лишь сопоставление сведений разрядов с летописными свидетельствами позволяют восстановить более или менее точную картину событий дождливого лета 1527 г.⁵

Очертив круг основных источников и кратко их охарактеризовав, вернемся от летописей и разрядов к нашей истории. В 20-х гг. XVI в. (несмотря на печальный опыт 1521 г.) система дальнего обнаружения выдвигания татар к государевой украине и оповещения об этом воевод на берегу еще только складывалась. Во всяком случае, ни в одном источнике не говорится о том, что выступление Ислам-Гирея было заблаговременно обнаружено. Можно лишь догадываться, чем было обусловлено решение Василия III отправить на берег дополнительные силы. Возможно, пока калга стоял на Молочных водах (?), сведения о том, что и его люди сосредоточились в этом районе, попали в Москву (через Азов? Или иным путем?). И тогда в русской столице решили на всякий случай подстраховаться (а сведения, судя по всему, были достаточно точными – как уже было отмечено выше, на берегу к середине августа собралось до 10–15 тыс. детей боярских с их послужильцами, тогда как у Ислама было людей около 10 или даже меньше тысяч). Однако время шло, а неприятель все не объявлялся, и 27 августа 1527 г. Василий, посоветовавшись с боярами, решил снять часть своих сил (5 воевод, 1–1,5 тыс. «сабель») с берега и отправить их на казанскую украину⁶. Правда, есть и другой ответ на вопрос, почему Василий III ослабил свои полки, стояв-

³ «А се роспись по берегу, как князь великий прибавил воевод на берег: на Коломне воеводы князь Василей Семенович Одоевской, боярин князь Иван Щетина Иванович Оболенской, князь Иван Иванович Барбашин, князь Василей князь Иванов сын Репнин, князь Никита князь Дмитриев сын Щепин, князь Иван Лугвица Прозоровской, князь Юрья да князь Василей Чюлок Ушатые, князь Семей князь Федоров сын Ситцкой. Да на Коломне же был князь Юрьев Ивановича воевода Помяс Заболотцкой с людьми».

⁴ Отметим также, что краткие сообщения о набеге Ислам-Гирея есть в ряде других летописей – например, в Вологодско-Пермской, а также в Соловецком летописце [См.: 4, с. 314; 11, с. 235].

⁵ «А были толды (т.е. в лето 1527 г. – В.П., Т.П.) дожди великие...» – сообщал автор Постниковского летописца [22, с. 16].

⁶ «Тово же году августа в 27 день велел князь великий с Коломны воеводам своим князю Ивану Ивановичу Борбашину итить на Унжу. А князю Ивану Лугвице Прозоровскому да князю Юрью да князю Василью

шие на берегу в ожидании прихода крымского царевича. В марте 1528 г. Н. Мясной вернулся из Крыма и передал Василию III грамоту от Саадет-Гирея. В ней крымский «царь» писал московскому государю, что де набег Ислам-Гирей предпринял не по его воле, а своим своевољством по наущению ширинского князя Мемеша, Айдешки-мурзы и некоторых других «князей» и мурз. Я, писал Саадет-Гирей Василию, посылал де племянника «на черкасы»⁷, но окружавшие его князья и мурзы уговорили того повернуть на московскую Украину с тем, чтобы нахватать здесь полону и разжиться «животами», после чего пустить полученные таким образом средства на продолжение борьбы за власть в Крыму [17, с. 251–252]. Вполне возможно, что до Москвы дошли слухи о том, что неприятель намерен двинуться с Молочных вод на Северный Кавказ (или же на Сигизмунда I?), а потому держать дальше немалые (по тем временам) силы на берегу не стоит.

Так или иначе, но сотни поместной конницы⁸, чавкая копытами коней по раскисшим от проливных дождей дорогам, в последних числах августа 1527 г. двинулись от Коломны на восток. Казалось, надвигавшаяся гроза миновала, и недалеко тот день, когда «большие» воеводы отправятся с большей частью детей боярских и их послужильцев по домам, а на берегу останутся немногие ратные люди нести службу на случай неожиданного появления небольших татарских отрядов, которые попробуют на свой страх и риск попытать счастья на государевой Украине. Но этим надеждам не суждено было оправдаться.

4 сентября 1527 г. в Москву к великому князю (незадолго до этого вернувшегося в столицу вместе с молодой женой из подмосковного села Воробьево, где Василий и Елена Глинская провели все лето [21, с. 15] прискакал гонец с берега с тревожной вестью: «Ислам царевич идет прямо к берегу, а с ним тритцать тысяч тотар» [26, с. 203]. Новость, что и говорить, была не ко времени – казалось, все, кампания завершилась, в воздухе чувствовалось холодное дыхание осени⁹, и вот под самый ее занавес татары, которые, как втайне надеялись и в Москве, и на берегу, уже не появятся, все-таки пришли. Надо полагать, что Ислам-Гирей и его окружение сумели улучшить момент для нападения – вряд ли их появление спустя неделю после того, как часть русских полков покинула свои позиции по Оке, было случайным. Но делать было нечего – проворонив приход крымцев, Василий, его бояре и воеводы должны были теперь предпринимать срочные меры для того, чтобы «крымский смерч» не повторился.

Первоначальная растерянность быстро прошла, и 5 сентября колеса московской военной машины завертелись с удвоенной силой. Василий III отправил на Коломну двух воевод с частью своего двора, двоюродных братьев Федора Лопату Оболенского (того самого, который в предыдущий, «царев», приход татар в 1521 г. неудачно бился с неприятелем, был ранен, взят в плен и потом выкуплен рязанским наместником И.В. Хабаром) и Ивана Овчину Оболенского (будущего фаворита Елены Глинской и ее соправителя). Стоявшие же на Кашире и на Коломне воеводы получили приказ идти к предполагаемому месту форсирования Оки татарами [26, с. 203]. Сам Василий с братьями не стал торопиться покидать столицу, выжидая «прямых» вестей о намерениях калги [22, с. 16].

Чюлку Ушатым, да князю Семену Ситцкому велел им итить в Нижней Новгород» [26, с. 203]. Здесь возникает вопрос – а не были ли действия Ислам-Гирея каким-то образом скоординированы с действиями же его двоюродного брата Сафа-Гирея, казанского «царя»? Во всяком случае, если речь шла о военной демонстрации, призванной подкрепить слова отправленного в Казань посла А.Ф. Пильмова [23, с. 272], то для нее количество отправленных с Оки на Унжу и в Нижний Новгород явно маловато, а для усиления группировки, размещенной на казанской Украине (11 воевод, 3–4 тыс. «сабель») – вполне достаточно [25, с. 71–72].

⁷ А.М. Некрасов отмечал, что, согласно грамотам от князей Мемеша, Довлет-Бахты и других, хан отправил калгу «на черкасскую Украину воевати». По его мнению, это означало, что Ислам-Гирей должен был снова атаковать владения Сигизмунда (логичный шаг со стороны Саадет-Гирея – а зачем великий литовский князь отпустил из затянувшегося сверх всякой меры пребывания в «гостях» Шейх-Ахмеда? – В.П., Т.П.), однако нарушил приказ дяди [19, с. 96, 99].

⁸ Кстати, похоже, что «сотенная» реформа, учиненная Иваном Грозным после 2-й Казани [См.: 12, с. 211–214], вовсе не была таким уж новшеством. Во всяком случае, в судебном деле, датированном 7032 (1523/1524) г., упоминается муромский сын боярский Иван Белой, который «у воевод был десятник на службе на Толстике» [10, с. 149]. А раз был десятник – значит, логично предположить, были и сотни, и «сотни», и задолго до 1550–1552 гг.

⁹ А и лето, и осень в 1527 г. выдались на редкость неблагоприятными – проливные дожди летом мы уже писали, а 22 сентября и вовсе выпал снег, который, согласно летописцу, пролежал полтора месяца [24, с. 282].

Судя по всему, долго дожидаться новых известий не пришлось. 5-го или 6-го сентября «пришла весть прямая, что Ислам, царевич крымской, да Исуп царевич сын Епончин, да два царевича, Ахмата Хромова дети, и мурзы многие пришли к берегу к Оке реке, похвалясь, и Оку реку хочет лести под Ростисловлем» [26, с. 203]. К этому перечню татарских военачальников автор Постниковского летописца добавлял имена еще двух мурз – некоего Кайдекеш-мурзу и Бахтиязыр-мурзу [22, с. 16]. Похоже, что последний – это наш старый знакомый, ширинский князь Бахтеяр-мурза, бывший московский доброхот. И если это так, то можно предположить, кем были два неназванных царевича, дети Ахмата Хромого – возможно, это Юсуф и Бачкак, младшие сыновья покойного Ахмед-Гирея, внуки Менгли-Гирея. Их мать, двоюродная сестра Бахтеяр-мурзы, после смерти Ахмеда жила у своего двоюродного брата [29, с. 56–57], и мурза взял племянников с собой в поход поучиться ратному делу.

С приходом «прямой» вести Василий III со своим двором и с братьями Андреем Старицким и Юрием Дмитровским (надо полагать, что и братья выступили в поход со своими дворами) 7 сентября («на рожество богородицы») покинул Москву и отправился в Коломенское. Оттуда 9 сентября великий князь со своими людьми выдвинулся по направлению к Оке, остановившись в 20 верстах от нее в ожидании гонцов с грамотами от береговых воевод [20, с. 543; 22, с. 16; 28, с. 283]. Готовясь покинуть столицу, Василий III оставил в городе на «хозяйстве» «князя Бориса Ивановича Горбатого (старый, заслуженный боярин, ходивший в походы еще при Иване III – *В.П., Т.П.* [См., например: 9, с. 73–74]) да Михаила Юрьевича (Захарьина – *В.П., Т.П.*), да казначея Петра Ивановича Головина». Им Василий «град велел укрепить и животы людем с посадов в град велел возити, и пушки и пищали во граде велел пристроити» – повторения событий 1521 г., когда Москва из-за неразберихи и безвластия едва не была взята татарами, великий князь не хотел ни при каких обстоятельствах. Забегая вперед, отметим, что угрозы непосредственно Москве так и не возникло, но, тем не менее, осадное положение в городе (и в ряде других городов) сохранялось на протяжении 5 (согласно Постниковскому летописцу – 7) дней [20, с. 544; 22, с. 16].

Тем временем, пока Василий III готовился отправиться на фронт и приводил Москву в готовность к отражению возможного нападения неприятеля, на окских бродах разыгралась кровавая трагедия. 6 сентября Ислам-Гирей вышел к Ростиславлю и на следующий день предпринял попытку переправы через реку. Здесь «на заставе» «не с многими людми» татар поджидали «бояре и воеводы князь Василей Ших Одоевской Семенович, боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенской, князь Федор Васильевич Лопата Оболенской, князь Иван Федорович Офчина Оболенской, князь Василей Иванович Репнин, князь Микита Дмитриевич Щепин Оболенской» [26, с. 204] (выходит, что сюда, под Ростиславль, поспели к Исламову приходу воеводы с Коломны и отпущенные с Москвы двоюродные братья Оболенские). Эти 6 воевод и бывшие с ними примерно 2,5–3 тыс. детей боярских и их послужильцев приняли на себя первый удар неприятеля. Конечно, если бы татары, имея 3-х – 4-х – кратное преимущество в силах, предприняли бы решительный натиск, то вряд ли русские сумели бы удержать берег долгое время. Однако на руку русским воеводам сыграло несколько обстоятельств. Прежде всего, татары шли в набег за добычей, рассчитывая на внезапность, вступать в «прямое дело» с неприятелем они вовсе не стремились. Кроме того, из-за сильных дождей «в Оке была вода прибыльная», и переправа через разлившуюся реку оказалась затрудненной. И, наконец, очень скоро с Каширы на помощь русским воеводам прибыли воеводы «князь Федор Михайлович Мстиславской да князь Федор Васильевич Телепнев Овчина, князь Петр княж Федоров сын Охлебинин» [22, с. 16; 26, с. 204]¹⁰. С их подходом (а они

¹⁰ Князь Ф.М. Мстиславский – достаточно колоритная личность, о которой стоит сказать несколько слов. Князь Федор был сыном князя Михаила Мстиславского (Ижеславского), сидевшего в пограничном литовском городе Мстиславле. В 1514 г., после взятия Смоленска, когда полки Василия III обступили Мстиславль, князь перешел на службу к московскому государю, но после того, как воеводы Василия потерпели поражение под Оршей, переметнулся обратно к Сигизмунду [См., например: 13, с. 151–152]. Его сын Федор в июле 1526 г. (рассорившись с отцом? В сентябре 1527 г. старый князь Мстиславский был еще жив – см.: 1, с. 181–182) перебрался в Москву [23, с. 271], оказавшись последним крупным представителем знати Великого княжества Литовского (если не считать кратковременной службы князя Д. Вишневецкого Ивану Грозному), переселившимся и осевшим на Москве. «Приятый» «с великою любовию честно», молодой Мстиславский был пожалован Василием «княж Васильевские городки Шемячича в вотчину: Ярославца да Кременец, да волость Мышегу», а в кормление Федор получил еще и город Каширу [4, с. 313]. Более того, стремясь покрепче привязать Мстиславского к себе, в 1529 г. Василий выдал за него замуж княжну Наста-

привели с собой примерно 1,5 тыс. всадников) ситуация на бродах через Оку под Ростиславлем улучшилась. Как писал летописец, «воеводы с Ысламом с царевичем билися и стрелялися об реку от утра и до вечера. И от берега татар отбили и многих татар в реце побили» [22, с. 16].

Таким образом, предпринимавшиеся татарами на протяжении всего дня 7 сентября 1527 г. попытки переправиться через разлившуюся реку, как видно из летописи, успеха не имели. С левого, высокого берега Оки русские всадники успешно бились «лучным боем» с врагом и расстреливали пытавшихся переплыть мутные воды татар, не неся при этом существенных потерь. До настоящего сражения дело так и не дошло – отнять берег у русских татары так и не смогли (с этим и связано, очевидно, использование летописцем термина «стравка». «Словарь русского языка XI–XVII вв.» определяет значение «стравки» как «боевая стычка», а глагола «стравитися» – завязать бой, начать перестрелку. Примерно также определяет значение «стравки» и В.И. Даль [5, стб. 562; 27, с. 115]).

В итоге к вечеру Ислам-Гирей, видя безуспешность своих попыток сбить полки Василия III с занимаемых ими позиций (а время между тем истекло – фактор внезапности окончательно был утрачен, и вот-вот должны были подойти главные силы московского войска во главе с самим великим князем), приказал прекратить атаки. С наступлением темноты татары отошли в свой лагерь. Отступили к своему обозу-кошу и русские, оставив на берегу сторожей наблюдать за действиями неприятеля.

В ночь на 8 сентября Ислам-Гирей, посоветовавшись со своими князьями и мурзами, принял решение отступить. В русской летописи, как обычно, было отмечено, что «Ислам царевич, не постояв ни часа, вскоре от берегу побежал и из земли пошел прочь с великим срамом в рожество пречистые в неделю» [22, с. 16]. Его отход вскоре был замечен русскими сторожами, и об этом было немедленно послано донесению Василию III, благо он, как уже было отмечено выше, стоял неподалеку от мест событий. Спустя несколько часов от великого князя пришел приказ воеводам преследовать неприятеля за Окой [20, с. 543].

Надо полагать, что воеводы, по обыкновению, держа главные силы в кулаке, отправили за реку отборных «резвых людей» с наказом атаковать и уничтожить отколовшиеся от основной массы татар отдельные отряды¹¹, которые, не желая уходить домой несолоно хлебавши («а полону царь Аслан не взял ничего» [22, с. 16], на свой страх и риск попробуют пограбить деревни за Окой. Отправленные вдогон дети боярские успешно (если судить по записям в разрядных книгах и летописях) справились с поставленной задачей: «И великого князя дети боярские за реку перешли да тотар многих побили и изымали Исламова любовника (приближенного, близкого советника и фаворита – *В.П., Т.П.*) Аклыча мурзу, великова человека» [26, с. 204]. По свидетельству Типографской летописи, за Окой «лехкие» воеводы дважды успешно атаковали татарские отряды – под Зарайском и на Осетре, а потом преследовали неприятеля до самого Дона [30, с. 223]. Однако сам Ислам-Гирей с большей частью своего воинства «пошел борзо из земли», сумев уйти от преследователей [23, с. 272].

И в завершение рассказа небольшое лирическое отступление о том, что «не в силе Бог, а в правде». В помещенной в Новгородской IV летописи повести об отражении Исламова набега есть небольшой нравоучительный сюжет, касающийся «безумного князя поганого Алая» (видимо, отражающий реальное событие, имевшее место в ходе преследования отступающего неприятеля русскими отрядами). Этот Алай, въехав со своим двором в некое государево село, решил сжечь стоявшую в том селе «церковь Никола чудотворец». Дважды попытки зажечь церковь у Алая не удались (надо полагать, во всем виноваты были те самые проливные дожди), но в конце концов «безумный князь поганый Алай не убоясь страха Божия, зажже церковь святого Николу». Однако Господь покарал богохульника – «подняся церковь, и в том часе узреша его воеводы великого князя, воя многи начаша за ним скакати, и прискочиша на место погоревшия церкви, и ту узреша его». Оказывается, «безумный»

сю, дочь татарского царевича Петра (того самого, который вместе с московскими боярами от имени Василия выдал Мухаммед-Гирею грамоту с обязательством московского великого князя платить дань крымскому «царю»). Тем самым Федор Мстиславский породнился с московским правящим домом [9, с. 128]. Правда, сделать блестящую карьеру Федору Мстиславскому так и не удалось – видимо, он был недоволен статусом не удельного, а служилого князя и дважды попадал в опалу по подозрению в желании отъехать обратно в Литву. Умер Ф.М. Мстиславский в 1540 г., так и не став боярином, но то, что не смог сделать отец, сделал его сын – Иван, один из виднейших политических и военных деятелей времен Ивана Грозного, один из «столпов» Московского царства.

¹¹ «И воеводы послаша за ним многих детей боярских за реку» [22, с. 16].

Алай «удержан бысть гневом Божьим и милосердием великого Бога, невидимою силою, и молением государя благоверного князя Василья Ивановича всеа Руси и пресвященного митрополита Данила и слезами всех православных крестьян». Алай был схвачен, доставлен к Василию и допрошен, ну а что было с ним дальше – летописец умолчал [20, с. 543–544]¹².

Судьба же татарских послов Чабык-мурзы и Яныш-князя со свитой, задержанных по приказу Василия III еще до событий 1527 г., была более определенной и вместе с тем печальной. Разгневанный вероломством Саадет-Гирея и Ислам-Гирея, великий князь приказал казнить послов. Чабык-мурза со товарищи были «посажены в воду», т.е. утоплены [8, с. 312–313]. Правда, несколько позднее, в ноябре 1527 г., отправляя в Крым служилого татарину Байкулу, Василий повелел ему сообщить Саадет-Гирею, что де московские черные люди, узнав о нападении Ислам-Гирея, отбили у приставов татарских послов и утопили их, за исключением князя Чалпана и еще 4-х татарин из состава посольства [17, с. 251]. Крымский «царь» принял это объяснение. Однако был ли у него иной выход? Ведь неудачная экспедиция калги за ясырем на московскую Украину разрушила зыбкое равновесие и согласие в Крыму и способствовала возобновлению борьбы за власть между дядей и племянником (и стоявшими за их спинами могущественными аристократическими кланами). Крымская «замятня», начавшаяся вскоре после убийства Мухаммед-Гирея I в Астрахани и учиненного астраханцами и ногаями погрома на «острове Каффы», продолжилась.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. 442 с.
2. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII вв. М., 2005. 464 с.
3. Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. 263 с.
4. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. 432 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1909. 850 с.
6. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. 216 с.
7. Западнорусские летописи // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. 384 с.
8. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.
9. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
10. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 144–150.
11. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М. 1981. С. 223–243.
12. Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 1. М., 2009. С. 211–224.
13. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. 320 с.
14. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 9. Симферополь, 1890. С. 1–47.
15. Летописец из рукописи Серапиона Курцова / Новикова О.Л. Материалы для изучения русского летописания // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.-СПб., 2009. С. 162–167.
16. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. 151 с.
17. Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 178–419.
18. Милуков П.Н. Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн.2. IV. Исследования. С. 12–14.
19. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. 128 с.

¹² Видимо, именно этот эпизод лапидарно изложен был в Типографской летописи: «Воеводы великого князя пошли за ними и достиже, били их оу Николе оу Зораского. И бысть им бой, и ти побиша безбожных многих. И на том бою поимаша Ипакова племянника, а с ним иных татар многих» [30, с. 223].

20. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. 690 с.
21. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 31–220.
22. Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8–30.
23. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. 302 с.
24. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 258–299.
25. Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. 613 с.
26. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. 218 с.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008. 303 с.
28. Софийские летописи // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. 359 с.
29. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
30. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., М., 2000. 288 с.
31. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. 227 с.
32. Черкас Б.В. Ольшаницька битва 1527 р. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2008. № 8. С. 53–59.
33. Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 53–67.
34. Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2000. №1. С. 97–118.
35. Acta Tomisiana. Т. IX. Posnaniae, 1876. 362 s.
36. Lietuvos Metrika. Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); penskoy@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); penskaya@bsu.edu.ru

“Islanova stravka” (Islam-Giray’s Raid)

V.V. Penskoj, T.M. Penskaja
(Belgorod State National Research University)

Allied relations between Moscow and the Crimea began to gradually cool down after the death in 1505 of the Moscow Grand Prince Ivan III and in 1521 the Crimean Khan Muhammad Giray I made a successful campaign against the Russian State. He defeated Russian troops near Kolomna and devastated the neighborhood of Moscow. The Moscow Grand Prince Vasily III was forced to accept the vassal status and pledged to pay a tribute. The success of the 1521 was remembered in the Crimea and in Moscow. The Crimean ruling elite wanted to repeat the success of 1521 but Moscow sought to prevent this. In September 1521, the son of Mohammed Giray, Prince Islam Giray tried to follow in the footsteps of his father. However, his raid was retaken by Russian troops. This little-known page of Russian-Crimean conflict is interesting on both sides. It shows the characteristics of Russian border guards and the organization of the defense against Tatar raids on the river Oka. In addition, the history of Islam Giray's raid must be placed in the context of a complex diplomatic game and political intrigues in the triangle Moscow – Crimea – Lithuania and shows the complexity and confusion prevailing in Eastern Europe after the collapse of the Great Horde.

Keywords: Russia, Crimea, Russian-Crimean relations, Vasily III, Crimean Giray dynasty, Russians, Crimean War.

References

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu Kommissieyu* [Acts Relating to the History of Western Russia Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. II. 1506–1544. St. Petersburg, 1848. 442 p.
2. Ankhimuk Yu.V. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov* [Private Books of Official Orders Containing Records for the last quarter of the 15th – early 17th centuries]. Moscow, 2005. 464 p.

3. Buganov V.I. *Razryadnye knigi posledney chetverti XV – nachala XVII v.* [Record Books of Official Orders of the last quarter of the 15th – early 17th centuries]. Moscow, 1962. 263 p.
4. Vologodsko-Permskaya letopis' [The Vologda-Perm Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXVI. Moscow, 2006. 432 p.
5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Vol. IV. Moscow, 1909. 850 p.
6. Zaytsev I.V. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV – pervaya polovina XVI vv.)* [Between Moscow and Istanbul. The Jochid States, Moscow, and Ottoman Empire (beginning of the 15th – the first half of the 16th centuries)]. Moscow, 2004. 216 p.
7. Zapadnorusskie letopisi [The Western Russian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XVII. Moscow, 2008. 384 p.
8. Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni (ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia Entering a New Time (essays of Russian political history of the first third of the 16th century)]. Moscow, 1972. 452 p.
9. Zimin A.A. *Formirovanie boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV – pervoy treti XVI v.* [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the second half of the 15th – the first third of the 16th centuries]. Moscow, 1988. 350 p.
10. Iz istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniya v XVI v. [From the History of Central and Local Government in the 16th century]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. 1960, no 3, pp. 144–150.
11. Koretskiy V. I. *Solovetskiy letopisets kontsa XVI v. [Solovetsky Chronicler of the late 16th century]. Letopisi i khroniki* [Annals and Chronicles]. 1980. Moscow, 1981, pp. 223–243.
12. Kurbatov O.A. Reorganizatsiya russkoy konnitsy v seredine XVI v.: ideynye istochniki i tseli reform tsarskogo voyska [Reorganization of the Russian Cavalry in the middle of the 16th century: The Ideological Sources and Purposes of the Tsarist Forces' Reform]. *Edinorog". Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy* [The Unicorn. Materials on the Military History of Eastern Europe]. Is. 1. Moscow, 2009, pp. 211–224.
13. Krom M.M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVI v.* [Between Rus and Lithuania. Frontier Lands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the end of the 15th – the first third of the 16th centuries]. Moscow, 2010. 320 p.
14. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII v.v., khranyashchiesya v Moskovskom Glavnom Arkhive Ministerstva Inostrannykh Del [Monuments of Diplomatic Relations between the Crimean Khanate and Moscow State in the 16th and 17th centuries Stored in the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Academic Archival Commission]. Is. 9. Simferopol, 1890, pp. 1–47.
15. Letopisets iz rukopisi Serapiona Kurtsova [Chronicler from the Manuscript Serapion Kurtsov]. Novikova O.L. *Materialy dlya izucheniya russkogo letopisaniya* [Materials for the Study of Russian Chronicle Writing]. *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays of the Feudal Russia]. Is. 13. Moscow-St. Petersburg, 2009, pp. 162–167.
16. Litvin M. *O nrvakh tatar, litovtsev i moskvityan* [On the Mores of Tatars, Lithuanians, and Muscovites]. Moscow, 1994. 151 p.
17. Malinovskiy A.F. *Istoricheskoe i diplomaticheskoe sobranie del, proiskhodivshikh mezhdru rossiyskimi velikimi knyaz'yami i byvshimi v Krymu tatarskimi tsaryami s 1462 po 1533 god* [Historical and Diplomatic Collection of Affairs Taking Place between the Russian Grand Dukes and Former Crimean Tatar Tsars from 1462 to 1533]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. V. Odessa, 1863, pp. 178–419.
18. Milyukov P.N. *Offitsial'nye i chastnye redaktsii drevneyshey razryadnoy knigi* [Official and Private Edition of the Most Ancient Record Book of Official Orders]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 1887. Kn.2. IV. *Izledovaniya*, pp. 12–14.
19. N ekrasov A.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI v.)* [International Relations and Peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the 15th – the first half of the 16th centuries)]. Moscow, 1990. 128 p.
20. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [The Fourth Novgorod Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. IV. Part. I. Moscow, 2000. 690 p.
21. Piskarevskiy letopisets [The Piskarevsky Chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 1978, pp. 31–220.
22. Postnikovskiy letopisets [The Postnikovsky Chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 1978, pp. 8–30.
23. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Copy]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VIII. Moscow, 2001. 302 p.
24. Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda [Continued Chronograph in Edition of 1512]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. Vol. VII. Moscow-Leningrad, 1951, pp. 258–299.
25. *Razryadnaya kniga 1475–1598* [Record Book of Official Orders 1475–1598]. Moscow, 1966. 613 p.

26. *Razryadnaya kniga 1475–1605* [Record Book of Official Orders 1475–1605]. Vol. I. Part. II. Moscow, 1977. 218 p.
27. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Russian Dictionary of the 11th–17th centuries]. Is. 28. Moscow, 2008. 303 p.
28. Sofiyskie letopisi [The Sofian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VI. St. Petersburg, 1853. 359 p.
29. Syroechkovskiy V.E. Mukhammed-Girey i ego vassaly [Muhammad Giray and His Vassals]. *Uchenye zapiski Moskovskogo ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova*. Is. 61. *Istoriya* [Scientific Notes of the Lomonosov Moscow State University. Iss. 61. History]. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71.
30. Tipografskaya letopis' [Typographical Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIV. Moscow, 2000. 288 p.
31. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Alma-Ata, 1992. 227 p.
32. Cherkas B.V. Ol'shanits'ka bitva 1527 r. [The Olshanytska Battle of 1527]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasiv do kintsya XVIII st.)* [Ukraine in Central and Eastern Europe (from ancient times to the late eighteenth century)]. 2008, no. 8, pp. 53–59.
33. Cherkas B.V. Ostafiy Dashkovich – cherkas'kiy i kanivs'kiy starosta XVI st. [Ostafy Dashkovych – The Cherkassy and Kanev Headman of the 16 century]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal* [The Ukrainian Historical Journal]. 2002, no. 1, pp. 53–67.
34. Cherkas B.V. Politichna kriza v Krim'skomu khanstvi i borot'ba Islam-Gireya za vladu v 20–30-kh rokakh XVI st. [Political Crisis in the Crimean Khanate and Islam Giray's Struggle for Power in the 1520–30's]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasiv do kintsya XVIII st.)* [Ukraine in Central and Eastern Europe (from ancient times to the late eighteenth century)]. 2000, no. 1, pp. 97–118.
35. *Acta Tomiciana*. Vol. IX. Posnaniae, 1876. 362 p.
36. *Lietuvos Metrika*. Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.

About the authors: Vitaliy Viktorovich Penskoj – Professor, Belgorod State National Research University, Dr. Sci. (History) (308015, Pobeda st., 85, Belgorod, Russian Federation); penskoj@bsu.edu.ru

Tat'yana Mikhaylovna Penskaya – Assistant Professor, Belgorod State National Research University, Cand. Sci. (History) (308015, Pobeda st., 85, Belgorod, Russian Federation); penskaya@bsu.edu.ru